

УДК 82.09

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-2-96-105

ГЕНЕЗИС И ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА МАДОННЫ В ПОЭЗИИ А. С. ПУШКИНА

Яковлев М. В.^{1,2}

¹Государственный гуманитарно-технологический университет
142611, Московская обл., г. Орехово-Зуево, ул. Зелёная, д. 22, Российская Федерация

²Государственный университет просвещения
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Реконструкция динамики пушкинского восприятия и художественного воспроизведения образа Пречистой Девы.

Процедура и методы. Устанавливается эстетическая функция религиозного символа и его роль в формировании аксиологической системы поздней лирики А. С. Пушкина. Рассматривается трансформация средневекового жанра видений как источника поэтического вдохновения. Обнаруживается софиологическая перспектива любовной поэзии, сформировавшей позднее художественную мифологию Вечной женственности. С помощью генеративного и герменевтического анализа пушкинских стихотворений «Мадона» (1830), «Жил на свете рыцарь бедный...» (1829), «К*** («Я помню чудное мгновенье...»)» (1825) раскрываются смысловые пласты образности, связывающей русскую и европейскую поэзию о любви в религиозно-софийном контексте.

Результаты. Делается вывод о том, что в ряде стихотворений А. С. Пушкина присутствуют не только аллюзии на европейское искусство, но и выражается глубокий опыт духовного лирико-мистического переживания красоты, любви, женственности.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования расширяют и дополняют представления о культурологических источниках, контексте и возможностях интерпретации классических стихотворений А. С. Пушкина в системе дискуссионности и феномена приращения смыслов.

Ключевые слова: вечная женственность, видение, Мадонна, роза, София

THE GENESIS AND TRANSFORMATION OF MADONNA'S IMAGE IN THE POETRY OF A. S. PUSHKIN

M. Yakovlev

State University of Humanities and Technology
ul. Zelenaya, 22, Moscow region, Orekhovo-Zuevo, 142611, Russian Federation

Federal State University of Education
ul. Radio 10a, Moscow 105005, Russian Federation

Abstract

Aim. To reconstruct the dynamics of Pushkin's perception and artistic reproduction of the image of the Blessed Virgin Mary.

Methodology. The aesthetic function of the religious symbol and its role in the formation of the axiological system of Pushkin's late lyrics are established. The transformation of the medieval genre of visions as a source of poetic inspiration is considered. The sophological perspective of love poetry is revealed, which later formed the artistic mythology of Eternal Femininity. With the help of generative and hermeneutic analysis of Pushkin's poems "Madonna" (1830), "There lived a poor knight..." (1829), "To***

("I remember a wonderful moment...")" (1825), the semantic layers of imagery linking Russian and European poetry about love in a religious and sophistic context are revealed.

Results. It is concluded that in a number of Pushkin's poems there are not only allusions to European art, but also a deep experience of spiritual lyrical and mystical experience of Beauty, Love, and Femininity.

Research implications. The results of the study expand and complement the understanding of cultural sources, context and possibilities of interpretation of classical poems by A.S. Pushkin in the system of discourse and the phenomenon of increment of meanings.

Keywords: eternal femininity, vision, Madonna, rose, Sophia

Введение

Определяя своеобразие русско-го творческого менталитета на примере А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевский в «Пушкинской речи» 1880 г. указывает на универсализм мировоззрения великого предшественника. Образное понятие «всемирной отзывчивости»¹ предполагает не только интуитивную чуткость к многообразию меняющегося мира, душевную вовлечённость Пушкина в явления жизни, но и многообразные культурологические источники. Для Достоевского это подражания европейским поэтам, среди которых он выделяет Парни, Шенье, Байрона². В поэме Пушкина «Цыганы» Достоевский обнаруживает влияние философии Руссо³. Мистика западного протестантизма в стихах Пушкина, по мысли русского христианского писателя, аналогична духу ислама в «Подражании Корану». А монотеистические коранические мотивы не противоречат языческому многобожию «Египетских ночей»⁴. К этому добавляются проекции из рыцарской культуры и литературы. Достоевский пишет: «Вот сцены из «Фауста», вот «Скупой рыцарь» и баллада «Жил на свете рыцарь бедный». Перечтите «Дон-Жуана», и, если бы не было подписи Пушкина, вы бы никогда не узнали, что это написал не испанец»⁵. К этому перечню стоит добавить многочисленные сти-

лизации под европейскую античность и Возрождение.

Цель статьи заключается в реконструкции динамики пушкинского восприятия и художественного воспроизведения образа Пречистой Девы, в выявлении особенностей его усвоения западноевропейской традиции и её трансформации, особенностей его личностного художественного опыта создания духовного женского образа. Конкретные задачи заключаются в уяснении некоторых жанровых и духовно-эстетических аспектов преломления западноевропейской традиции в отдельных произведениях, которые в связи с этим получают дополнительные коннотации. Данная статья не претендует на обобщающую полноту раскрытия этой многоаспектной темы в творчестве поэта «всемирной отзывчивости». Остановимся лишь на концептуально значимом для западноевропейских культуры и поэзии А. С. Пушкина образе Мадонны. В аспекте истолкования нас будут интересовать три текста: «Мадона» 1830 г.⁶, «Жил на свете рыцарь бедный...» 1829 г.⁷ и «К*** («Я помню чудное мгновенье...»)» 1825 г.⁸, а также ряд типологически сопоставимых произведений с доминирующим женским образом.

¹ Достоевский Ф. М. Пушкинская речь // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 9. В 2 кн.: кн. 2. М.: Астрель, 2004. С. 411.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Пушкин А. С. Мадона // Стихотворения Александра Пушкина / сост. Л. С. Сидяков. Ч. 1. СПб.: Наука, 1997. С. 268.

⁷ Пушкин А. С. Жил на свете рыцарь бедный... // Стихотворения Александра Пушкина / сост. Л. С. Сидяков. Ч. 1. СПб.: Наука, 1997. С. 433.

⁸ Пушкин А. С. «К.*** (Я помню чудное мгновенье)» // Стихотворения Александра Пушкина / сост. Л. С. Сидяков. Ч. 1. СПб.: Наука, 1997. С. 121.

Секуляризация образа Мадонны в западноевропейской культуре: пушкинская рецепция

Прежде всего, важно увидеть культурологическую маркированность слова «Мадонна» – от итальянского выражения «mia donna», т. е. буквально «моя госпожа». Во французской версии слово «донна» получило вариант «дама». Отсюда – наименование знаменитого Собора «Нотр-Дам-де-Пари» (фр. Notre-Dame de Paris), то есть буквально «наша дама» или «наша госпожа». В православном словоупотреблении земная мать Богочеловека Иисуса Христа именуется «Богоматерь» или «Богородица» (лат. Mater Domini – Матерь Божия). При этом акцент с семантической закономерностью ставится на идее «материнства». Для православных Святая дева – это прежде всего Святая мать.

Почитание Мадонны как госпожи и святой девы в средневековой и возрожденческой (постсредневековой) куртуазной культуре сформировало литературно-мистический культ Прекрасной дамы. В нём соединялись идеи власти, святости, красоты и любви. Религиозно маркированный образ Мадонны в придворной рыцарской поэзии проецировался на образ земной госпожи и возлюбленной. Любовь осознавалась как служение, имела возвышенно платонический смысл. Этому посвящён трёхтомный трактат XII в. «О любви» (лат. «De amore libri tres»)¹. Его автор, теоретик куртуазной любви Андрей Капеллан, священник, совмещающий службу в капелле-храме с другой должностью, являясь католическим монахом (отметим, что в католицизме все духовенство является монашествующим) – чётко противопоставлял духовное и физическое понимание любви, которое восходило ещё к Платону, указывавшему на два образа Афродиты – Афродита Урания (Небесная) и Афродита Пандемос (общенародная, простонародная). К этому добавляется христианское,

религиозно-апокалиптическое противопоставление жены, облечённой в солнце, и великой блудницы [8].

В секулярном искусстве сближение символики Мадонны и Прекрасной дамы имело двойственные последствия. С одной стороны, земная женщина возводилась в сакральный статус, приобретала неземные, ангелоподобные, «божественные» черты. Это происходило потому, что и католическая, и православная церковь чтит Пресвятую Богородицу как «честнейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим» (молитва «Достойно есть...»)², т. е. ставит её выше ангельского мира. В католической догматике исключительность Девы Марии в созданном Богом мире закрепила в полемическом учении о «непорочном зачатии» Пресвятой девы. При физическом зачатии от земных родителей она была очищена Богом от общего первоначального греха, т. е. согласно терминологической богословской логике, она является богом по благодати, Богочеловеком, почти в том же смысле, что и её сын – Богочеловек Иисус. Заметим, что в Ветхом Завете понятие «сыны Божии» относилось к тварным существам – к ангелам и людям: «Я сказал: вы – боги, и сыны Всевышнего – все вы» (Ср. Иов.38: 4-7; Пс.81:6; Ин.10: 34–36). В христианском богословии, сформированном во многом под полемическим влиянием греческой мифологии и философии (многие святые отцы и учителя христианской церкви были этническими и культурно образованными греками), произошло отождествление символических понятий «Сын Божий» и «Бог». Мир создан любовью Бога-Отца. Если именовать Всевышнего Творца – Отцом, то закономерно считать себя его сыном. И дочерью.

Однако очевидно, что в искусстве метафорическое смешение религиозного почтения Пресвятой девы и преклонения перед земной возлюбленной приводит к сложным духовно-эстетическим подменам, вызванным общим угасанием религиозного чувства, последовательным обмирщением

¹ Капеллан А. О любви [Электронный ресурс]. URL: https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/France/XIII/Zizneop_Trubadur/101-120/108.phtml?id (дата обращения: 10.05.2024).

² Православный Молитвослов и Псалтирь. М.: Издательство Свято-Данилова монастыря, 1995. С. 22.

европейской и русской цивилизаций. Оно началось в эпоху Возрождения реставрацией дохристианского язычества с его культом обожествлённого тела и земного мира. Согласимся с К. А. Поташовой в том, что образ Мадонны переживался Пушкиным и Лермонтовым преимущественно эстетически, а не молитвенно-религиозно [3].

По заключению Павла Флоренского в статье «Обратная перспектива» (1919) именно из ренессансной «Флоренции распространяется волна омирщения» и «натуралистической живописи». Мыслитель отмечает, что «религиозный сюжет становится только предлогом для изображения тела и пейзажа» [7, с. 215]. Собственно, и сам многозначный термин «возрождение» по смыслу должен читаться как «возрождение язычества».

Следствие такой опасной секуляризации обнаруживается и в наследии Пушкина. К стилистике вольнодумного вагантского хулиганства относится и стихотворение 1826 года «К** («Ты богоматерь, нет сомненья...»)»¹, где речь идёт о боге Амуре (или Эроте, Эросе, Купидоне) (античном боге страстной любви), считающемся сыном Афродиты. Амур оценивается 27-летним автором как бог лирических поэтов Парни, Тибулла, Мура и, конечно, его «богом» тоже. Причём в результате синтаксической игры самого себя он объявляет сыном той же божественной «матери». А в финале и вовсе называет её «богородицей». Шутливое сближение в духе современного постмодерна звучало провокационно: «Он весь в тебя – ты мать Амура, / Ты богородица моя!»² В словосочетании «богородица моя» в зависимости от логического ударения смысловой акцент может стоять и на слове «богородица», и на лирической самоидентификации притяжательного местоимения «моя», и на личном местоимении

«я». В таком контексте Пушкин шутливо отождествляет самого себя с Амуром.

Со времён концептуально значимых исследований Вл. Соловьёва «Судьба Пушкина» (1897) [5] и «Значение поэзии в стихотворениях Пушкина» (1899) [4] сложная духовная эволюция Пушкина исследована достаточно подробно. Отдельной проблемой для религиозных мыслителей и интерпретаторов было изменение отношения поэта к христианству и, разумеется, к русскому православью. Однако важно заметить, что этот путь к предсмертным покаянным дням и часам прошёл через усвоение западных христианских образов. Формирование женского поэтического идеала в лирике Пушкина во многом определилось символикой образа Мадонны как божественной красоты и небесной любви. Типологически символика некоторых женских образов у Пушкина сопоставима с атрибутами Софии как Вечной женственности в мифопоэтике самого Вл. Соловьёва, скажем, в книге «Россия и Вселенская Церковь» (1889)³, поэме «Три свидания» (1898)⁴, стихотворениях «Das Ewig-Weibliche» («Вечная женственность») (1898), «Знамение» (1898) и других произведений⁵. Исследователи посчитали, что Пушкин 23 раза останавливался в Новгороде Великом⁶, поэтому вполне можно предположить, что интересовавшийся историей поэт мог побывать и в старинном новгородском соборе Святой Софии с его знаменитой аллегорической иконой Софии премудрости с центральной фигурой теофанического ангела, сидящего на троне⁷. Женский грамматический род имени

³ Соловьёв В. С. Россия и Вселенская Церковь. М.: Амрита, 2024. 750 с.

⁴ Соловьёв В. С. Три разговора о войне, прогрессе, и конце всемирной истории. Три свидания. М.: Карамзин, 2018. 186 с.

⁵ Соловьёв В. С. Полное собрание стихотворений. М.: Rugram, 2021. 262 с.

⁶ Смирнов В. Новгородские адреса Пушкина [Электронный ресурс]. URL: <https://53news.ru/novosti/68187-viktor-smirnov-novgorodskie-adresa-pushkina.html> (дата обращения: 10.05.2024).

⁷ София – премудрость Божия. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/russian_history/11409/СОФИЯ (дата обращения: 10.05.2024).

¹ Пушкин А. С. Ты, богоматерь... // Стихотворения Александра Пушкина / сост. Л. С. Сидяков. Ч. 1. СПб.: Наука, 1997. С. 425.

² Пушкин А. С. К*** // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. Л.: Наука, 1974. С. 94.

София впоследствии повлияла на русскую мистику и мифопоэтику премудрости Божией как вечной женственности. На Киевской иконе Софии премудрости центральной фигурой является образ Богоматери, символически соединяющий ветхозаветный символ божественной художницы (Прит. 8: 22–31) и апокалиптическое видение «Жены, облечённой в солнце; под ногами её луна, и на главе её венец из двенадцати звезд» (Отк.12:1). В связи с этим вспомним многозначный образ царевны Лебедь из «Сказки о царе Салтане...» (1831), наделённый похожими астрономическими, софийными атрибутами: «Днём свет Божий затмевает, / Ночью землю освещает – / Месяц под косою блещит, / А во лбу звезда горит»¹. Та же многозначность присутствует и в стихотворениях, связанных у Пушкина с символическим образом Мадонны.

Возрожденческие источники стихотворения А. С. Пушкина «Мадона»

Литературоведческое размышление о стихах А. С. Пушкина хотелось бы начать в обратном хронологическом порядке, с произведения 1830 г. с программным названием – «Мадона» (у автора с одним «н»).

Как известно, оно посвящено невесте – Наталье Гончаровой. Автобиографический сюжет любви и сватовства получает у Пушкина культурологический характер. Изображение Мадонны, которым лирический герой хочет украсить свою «обитель», может считаться обозначением монастыря (в лексике Пушкина также встречается и слово «келья»), как на картине Рафаэля «Бриджуотерская Мадонна».

В. А. Жуковский, ссылаясь на В. Г. Вакендорера, рассказывал легенду о том, что Рафаэлю, не удовлетворённому своими набросками лика Мадонны, Пресвятая Богородица явилась во сне сама [1, с. 28]. Ту же легенду о видении-сновидении Рафаэля приводит Флоренский в

фундаментальной богословской и искусствоведческой статье 1922 г. «Иконостас» [9, с. 58–60]. Рафаэль создавал свои полотна, изображающие Мадонну, под влиянием образа Святой девы, увиденного им во сне, или, как это называет Писание, в «тонком сне», в котором сознанию человека являются небесные силы (Ср. Мф. 1:20). Да и само имя художника «Рафаэль» («Рафаил») – это имя архангела, управляющего мыслью человека и его исцелением. Для современников и потомков художник воспринимался как визионер, как избранник самой Богородицы. Характерно, что могила Рафаэля находится в Риме, в Пантеоне, ставшем католическим собором, и располагается рядом со скульптурой царицы небесной, как бы покровительствующей мастеру. В 1828 г. Пушкин пишет стихотворение «Кто знает край, где небо блещет...»², где Рафаэль упоминается как создатель образа Мадонны. И, вероятно, именно Мадонна именуется «богиней вечной красоты»³, приобретая не религиозный, а обобщённо-эстетический характер.

Нечто подобное возникает и в художественном сознании Пушкина. В письме невесте русский поэт отмечает её необычайное сходство с «белокурой мадонной», перед которой он «простаивает часами». Отметим, что в том же письме он называет своих светских петербургских приятельниц «прекрасными дамами»⁴. В сознании русского поэта как бы соединяются три ключевых образа-переживания: любовь к Гончаровой, светловолосая Мадонна на картине Рафаэля и символика почитания Прекрасной дамы (хотя множественное число в частном письме придаёт этому словосочетанию иронический оттенок). Представляется, что кроме Рафаэля, в подтексте присутствует ещё один католический (т. е. «вселенский») источник из эпохи раннего Возрождения – Данте Алигьери.

¹ Пушкин А. С. Сказка о царе Салтане // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. Л.: Наука, 1974. С. 298.

² Пушкин А. С. Кто знает край, где небо блещет... // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. Л.: Наука, 1977. С. 53.

³ Там же. С. 54.

⁴ Пушкин А. С. Письма. URL: <https://creativpodiya.com/posts/3506> (дата обращения: 10.05.2024).

Любовь Данте к Беатриче последовательно ввела в общеевропейский литературный контекст средневековый жанр видений. В данном случае, это видения возлюбленной, являющейся посланником Бога, ангелом-путеводителем, «одигитрией». Стихотворение Пушкина написано в жанре сонета, который активно использовался Данте в книге «Новая жизнь». В том же, что и стихотворение «Мадона», 1830 г., произведении «Сонет» упоминается имена поэтических учителей: «Суровый Дант не презирал сонета; / В нём жар любви Петрарка изливал...»¹. Дань итальянской традиции усиливается тем, что и произведение, посвящённое Гончаровой, также написано в жанре сонета.

Стихотворение Пушкина «Мадона» завершается своего рода лирическим трансом, видением нисхождения небесной красоты в земной мир. Очевидно, что Гончарова здесь оказывается лишь формой, вестником мира иного. Это не столько любовь к реальной женщине, сколько лирическое созерцание «образца», интуитивное переживание символа Вечной женственности: «Исполнились мои желания. Творец // Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна, // Чистейшей прелести чистейший образец»².

Стихотворение А. С. Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный...» в контексте христианской культуры

Опыт переживания и восприятия Богородицы как Прекрасной дамы гениально воплотился в балладе 1829 г. «Жил на свете рыцарь бедный...», созданной в тот же напряжённый период жизни и творчества, что и стихотворение «Мадона». Стихотворение «Жил на свете рыцарь бедный...» концептуально исследовано в книге И. З. Сурат «Жил на свете рыцарь бедный...» (1990) [6], где внимание сосредоточено по преимуще-

ству на биографической интерпретации и литературных истоках и контекстах этого произведения. Проводится интересный текстологический анализ вариантов текста, датированных 1829 и 1831 гг., а также редакции 1935 г. Обнаруживаются параллели с произведениями В. А. Жуковского (хореическая метрика была наиболее органична для его баллад), в частности, с балладой «Путешественник»³, восходящей к произведению Шиллера «Пилигрим». Участие в войне с сарацинами развивается в балладе Шиллера-Жуковского «Рыцарь Тогенбург»⁴. Жанр видения сопоставим с балладами «Таинственный посетитель» и «Монах»⁵. Пушкинист справедливо отмечает образные и идейные параллели между пушкинской стихотворной легендой о рыцаре и произведениями «Пророк» и «Бесы» и в то же время подчёркивает её уникальность. В монографии Сурат отмечает: «Мотивы же "Легенды" больше в поэзии Пушкина не появляются: ни мистической эротики, ни идеи жертвенного служения идеальной любви больше нет в его стихах, как не было и до этого» [8, с. 112]. Думается, что уникальность произведения может быть связана не только с контекстными параллелями, а с раскрытием самих религиозных символов, как это было и в стихотворении «Пророк»⁶. Это не «вторичные» стилизации, а персоналистические лирические откровения. Библейские аллюзии и европейская христианская символика художественно переживаются русским гением как подлинная религиозная реальность, как следствие духовного трансценза его сознания в инобытие.

В рамках статьи нас интересуют непосредственно католические источники образности и лексики в стихотворении русского поэта. Прежде всего, это сло-

¹ Пушкин А. С. Сонет // Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10 т. Т. 3. Л.: Наука, 1977. С. 158.

² Пушкин А. С. Мадонна // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. Л.: Наука, 1977. С. 166.

³ Жуковский В. А. Путешественник // Баллады. М.: Детиздат, 1936. С. 137

⁴ Жуковский В. А. Рыцарь Тогенбург // Баллады. М.: Детиздат, 1936. С. 168.

⁵ Жуковский В. А. Баллады. М.: Детиздат, 1936. 336 с.

⁶ Пушкин А. С. Пророк // Стихотворения Александра Пушкина / сост. Л. С. Сидяков. Ч. 1. СПб.: Наука, 1997. С. 146.

ва латинских молитв. Обращение «Ave, Mater Dei...» – «Славься, мать Божия...» восходит к словам архангела Гавриила (Евангелие). По-славянски это «Песнь Пресвятой Богородице», начинающаяся словами: «Богородице дева, радуйся, благодатная Марие, Господь с тобою...»¹. Второе молитвенное восклицание, которое приводит Пушкин: «Lumen coelum, sancta Rosa!» – «Свет небес, святая Роза!»²

Святой Розе посвящён центральный витраж католического храма. Этот образ имеет и словесное выражение. Он связан с символикой «Розария» – цикла молитв «Венок из роз», восходящих к IX в. Так же называются и молитвенные чётки (или венчик), данные святому Доминику в 1214 г. Доминику явилась сама Пресвятая дева и объяснила важность чтения «Розария». Как и пушкинский герой и другие визионеры, этот католический монах «имел одно виденье, непостижное уму». Герой стихотворения Пушкина осознаёт необходимость почти монашеской чистоты, которая становится для него желанной потребностью, а не аскетическим подвигом веры. Вера переживается как любовная преданность Пресвятой деве, которая становится дамой, т. е. госпожой его сердца. Любовь и вера сливаются в одно чувство верности.

Незримое присутствие Мадонны определяет мистическую душу католической церкви. Однако эта же тайна согревает и молитвенную душу русского православия. У всей христианской церкви – одна душа, это душа Приснодевы-матери, Пресвятой Богородицы Марии.

Знаменательно, что старшим современником А. С. Пушкина был Серафим Саровский (1759 (54) – 1833), который, согласно его житию, многократно удостоился личных посещений Пресвятой Богородицы³. Это были не просто виде-

ния, «непостижные уму», а реальные духовные встречи. Любимой иконой преподобного Серафима стал образ «Умиления» (ныне Серафимо-Дивеевский), который по иконографическому канону ближе к католической традиции, в частности, к иконе «Остробрамская». В образе запечатлён сюжет «Невесты Божьей». На иконе Святая дева изображается без Богомладенца, с руками, сложенными крестообразно на груди, с закрытыми глазами, погружённая в молитвенное созерцание, – или видение. Можно предположить, что этот образ, прославленный преп. Серафимом под именем «Всех радостей радость», имеет наибольшее портретное сходство с реальной Пресвятой Богородицей, какой она пребывает в потустороннем мире.

Тем самым откровение Мадонны становится содержанием и русской религиозной жизни, и светского искусства. В западной рыцарской литературе символика красоты и любви как небесного цветка развивается в аллегорических романах, в частности, это французский «Роман о Розе»⁴, и поэзии трубадуров, сформировавших культ Прекрасной дамы в образах девы-розы и её служителя соловья. Соловей, как известно, – это устойчивая эмблема поэта. А вот вариант этой символики у Пушкина в стихотворении 1824 г. «О дева-роза, я в оковах...», где «соловей в кустах лавровых» «нежно песни ей поёт»⁵.

Уподобление женской красоты прекрасному цветку стало хрестоматийным ещё у пушкинских предшественников. К традиционной символике розы нередко обращается автор-лицеист. Готовя стихотворение к первой публикации, Пушкин добавил к нему подзаголовок «Подражание турецкой песне». Отметим, что восточная символика розы, вероятно, была привезена и канонизирована в европейском искусстве западными крестоносцами. Отсюда и более

¹ Православный молитвослов и псалтирь. М.: Издательство Свято-Данилова монастыря, 1995. С. 17

² Пушкин А. С. Жил на свете рыцарь бедный... // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. Л.: Наука, 1977. С. 114.

³ Саровский С. Духовные наставления и пророчества. М.: Эксмо, 2018. С. 42.

⁴ Гийом Лоррис. Роман о Розе. Средневековая аллегорическая поэма. М.: Героика и спорт, 2007. 671 с.

⁵ Пушкин А. С. О дева-роза, я в оковах... // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. Л.: Наука, 1977. С. 185.

поздняя символика розенкрейцерства – роза и крест.

Мы знаем, что Пушкин никогда не был в Европе, да и вообще за границей. Однако символика видения розы как Мадонны и розы как рая используется в «Божественной комедии» Данте, где возлюбленная становится ангелом и музой поэта-визионера. В 30 песне «Рая» читаем: «В желть вечной розы, чей цветок раскрыт / И вширь, и ввысь и негой благованной / Песнь Солнцу вечно Вышнему творит, / Я был введён – как тот, кто смолк смущённый – / Моей владычицей...»¹ Здесь словосочетание «моя владычица» – как раз и предполагает в латино-итальянской версии слово «мадонна» («mia donna») – «моя госпожа».

Западная символика Мадонны угадывается в натурфилософских образах поэзии Гёте – стихотворении «Душа мира» и трагедии «Фауст», где, потеряв Маргариту-Жемчужину-Афродиту, герой ищет встречи с Еленой как воплощением Вечной женственности. Символика Маргариты как Афродиты формируется известной картиной Сандро Боттичелли «Рождение Венеры». Венера – это латинская версия Афродиты. И Венера-звезда сопоставляется с небесной жемчужиной.

Стихотворение А. С. Пушкина «К *»
(«Я помню чудное мгновенье...»)
как опыт создания духовно
преображённого образа**

А теперь вспомним всем известное стихотворение «К *** («Я помню чудное мгновенье...»)» 1823 г.², с которого мы начали размышление. Традиционно оно считается посвящением Анне Петровне Керн. Только современники и сам Пушкин отнюдь не сравнивали эту даму с Мадонной, а иронически называли Вавилонская Блудница – образ из Апокалипсиса, обозначающий анти-церковь, «блуд» не столько в физи-

ческом, сколько в духовном смысле как удаление от Бога (Откр.17:1– 18). Но это стихотворение не про отступничество, Пушкин преображает реальный образ, угадывает в нём «небесные черты»³, узревает «вестника духовного мира» [2, с. 44], раскрывая тем самым возможности земного грешного человека к духовному преображению.

Ключевыми словосочетаниями и словами здесь могут считаться выражения, пересекающиеся с балладой В. А. Жуковского «Лала Рук» (1821, опубликовано в 1827 г.), откуда заимствуется формула «гений чистой красоты»⁴. Слово «гений» в данном контексте обозначает «духа-покровителя». Говоря языком философии Платона, это сияние «идеи» красоты. Характерно, что у самого Жуковского есть стихотворение с расшифровывающим заглавием «Явление поэзии в виде Лала Рук» (1821)⁵. Первоисточником текста является баллада Томаса Мура «Lalla-Rookh», 1817 г.⁶ («возлюбленная», буквально «румяная» или «розовая» – от «розы»). Русский поэт посвятил своё произведение будущей императрице Александре Фёдоровне, жене Николая I.

Вслед за Жуковским ключевыми лирическими формулами в стихотворении Пушкина могут считаться «чудное мгновенье», «мимолетное виденье», «гений чистой красоты», «милые» и «небесные черты», глаголы «явилась» и «воскресли». Что же в итоге «воскресло»? – «и божество, и вдохновенье, и жизнь, и слёзы, и любовь». Хочется ещё угадать непроизнесённое слово «вера», вероятно, именно оно является основным источником вдохновения и невербальным содержанием стихотворного посвящения. Знаменитое, одновременно очень простое и многозначное произведение о вере в любовь, о любви как сути веры, о вере как содержании любви. Это и

³ Там же.

⁴ Жуковский В. А. Чудесный дар богов: Стихотворения. Баллады. М.: ТОО Летопись, 1998. С. 369.

⁵ Там же. С. 369.

⁶ Мур Т. Lalla-Rookh // Избранное / пер. Л. Володарской. М.: Радуга, 1986. С. 360.

¹ Алигьери Д. Божественная Комедия. М.: Правда, 1982. С. 504.

² Пушкин А. С. «К. *** (Я помню чудное мгновенье)» // Стихотворения Александра Пушкина / сост. Л. С. Сидяков. Ч. 1. СПб.: Наука, 1997. С. 121.

есть формула вдохновения. И поэтического, и религиозно-мистического, и общечеловеческого.

Уже будучи женатым на Наталье Николаевне, Пушкин создал многозначный собирательный образ красавицы в стихотворении «Всё в ней гармония, всё диво...» 1832 г., записанном в альбом молодой графине Е. М. Завадской. Произведение заканчивается почти молитвенным предостоянием, софийной формулой божественной красоты в образе женщины. Так же, как и в других названных стихотворениях о любви=вдохновении=озарении, лирическое переживание напоминает молитвенный транс, видение небесной женственности, Мадонны=Софии: «Но встреться с ней, смущённый, ты / Вдруг остановишься невольно, / Благоговей богомольно / Перед святыней красоты»¹. Здесь не хватает лишь соловьёвско-блоковского молитвенного местоимения «Ты» с большой буквы при обращении к героине, чтобы вступить в пространство мифопоэтики символизма.

Заключение

В контексте обозначенной в статье символики музыки как Мадонны это стихотворение звучит как гимн небесной красоте Святой девы, пережитой как видение. В этом хрестоматийном послании прочитывается неожиданный подтекст, вскрывающий тайные истоки женской образности в ряде стихотворений Пушкина. Предположим, что это видение Мадонны, которое переживали великие духовидцы – Данте, Рафаэль, св. Доминик и старший современник А. С. Пушкина преп. Серафим Саровский. Кому бы ни посвящались знаменитые строки, на наш взгляд, в них угадывается не столько конкретный адресат послания, сколько общая символика Святой девы, которая делает А. С. Пушкина не только национальным, но и европейским поэтом – поэтом всемирной отзывчивости, божественной любви и красоты, Святой Софии – поэтом Вечной женственности.

Статья поступила в редакцию 05.06.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вакенродер В.-Г. Фантазии об искусстве / пер. с нем. С. С. Белокрыницкой. М.: Искусство, 1977. 263 с.
2. Киселева И. А., Поташова К. А. Стихотворение М. Ю. Лермонтова «К портрету» (1840): поэтика текста и образа // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22. № 2. С. 25–49. DOI: 10.15393/j9.art.2024.13463. EDN: ADSEMW.
3. Поташова К. А. Феномен Рафаэля в творчестве А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова: к проблеме родного и вселенского // Современные проблемы науки и образования. 2014. №4. URL: <http://science-education.ru> (дата обращения: 10.05.2024).
4. Соловьёв В. С. Значение поэзии в стихотворениях Пушкина // Пушкин в русской философской критике: конец XIX – первая половина XX в. М.: Книга, 1990. 527 с.
5. Соловьёв В. С. Судьба Пушкина // Пушкин в русской философской критике: конец XIX – первая половина XX в. М.: Книга, 1990. 527 с.
6. Сурат И. З. «Жил на свете рыцарь бедный...». М.: Московское культурологическое общество, 1990. 165 с.
7. Флоренский П. А. Иконостас: Избранные труды по искусству. СПб.: Мифрил, Русская книга, 1993. 336 с.
8. Яковлев М. В. Между Мадонной и Великой Блудницей: уроки символизма в поэтическом мире Д. Андреева // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2019. №6. С. 70–82.

REFERENCES

1. Wackenroder W. G. *Phantasien über die Kunst* (Rus. ed., Belokrinickaya S. S., transl. Fantazii ob iskusstve. Moscow, Iskustvo Publ., 1977. 263 s.).
2. Kiseleva I. A., Potashova K. A. [Poem by M. Yu. Lermontov “To the Portrait” (1840): Poetic of the text and image]. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of historical poetics], 2024, vol. 22, no. 2,

¹ Пушкин А. С. Красавица // Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10 т. Т. 3. Л.: Наука, 1977. С. 226.

- pp. 25–49. DOI: 10.15393/j9.art.2024.13463. EDN: ADSEMW.
3. Potashova K. A. [Raphael's phenomenon of in A. S. Pushkin and M. Yu. Lermontov's works: to the problem native and universal]. In: *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 2014, no. 4. Available at: <http://science-education.ru> (accessed: 10.05.2024).
 4. Solovyov V. S. [The meaning of poetry in Pushkin's poems]. In: *Pushkin v russoj filosofskoj kritike: konec XIX – pervaya polovina XX v.* [Pushkin in Russian philosophical criticism: The end of the 19th - the first half of the 20th century]. Moscow, Kniga Publ., 1990. 527 p.
 5. Solovyov V. S. [The fate of Pushkin]. In: *Pushkin v russoj filosofskoj kritike: konec XIX – pervaya polovina XX v.* [Pushkin in Russian philosophical criticism: The end of the 19th - the first half of the 20th century]. Moscow, Kniga Publ., 1990. 527 p.
 6. Surat I. Z. «*Zhil na svete rycar' bednyj...*» [“Once upon a time there lived a poor knight...”]. Moscow, Moskovskoe kul'turologicheskogo obshchestvo Publ., 1990. 165 p.
 7. Florensky P. A. *Iconostas: Izbrannye trudy po iskusstvu* [Iconostasis: Selected works on art]. St. Petersburg, Mifril, Russkaya kniga Publ., 1993. 336 p.
 8. Yakovlev M. V. [Between the Madonna and the Great Harlot: lessons of symbolism in the poetic world of D. Andreev]. In: *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshej shkoly* [Philological Sciences. Scientific reports of higher education], 2019, no. 6, pp. 70–82.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Яковлев Михаил Владимирович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы Государственного гуманитарно-технологического университета; профессор кафедры русской и зарубежной литературы Государственного университета просвещения; e-mail: 79104310619@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5211-6994>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail V. Yakovlev – Dr. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Prof. of the Department of Russian Language and Literature of the State University of Humanities and Technology; Prof. of the Department of Russian and Foreign Literature, Federal State University of Education; e-mail: 79104310619@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5211-6994>

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Яковлев М. В. Генезис и трансформация образа Мадонны в поэзии А. С. Пушкина // Отечественная филология. 2024. № 3. Т. 2. С. 96–105.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-2-96-105

FOR CITATION

Yakovlev M. V. The Genesis and Transformation of Madonna's Image in the Poetry of A. S. Pushkin. In: *Russian Studies in Philology*, 2023, no. 3, pp. 96–105.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-2-96-105